

галиот небольшой¹ и поплыли в Гишпанию. И, приплывши к гишпанской пристане, пошел камор-юнкер к своему дому и за ним ундер-афицер и четыры² человека салдат. И уже близ бывши своих полат, тогда домашние его узнавши, госпоже своей Софии сказали, что братец приходил близ д[в]ора своего. И сестра его София, немедленно вышедши на двор и подошедши, хотела брата своего поцеловать, а Карл рукою [л. 14 об.] ударил сестру свою по щеке и сказал: „Ты мне не сестра, но б. . .!“ И, во[з]вратившись з двора обратно, пошел на судно.

Тогда София, изуемвшись, заплакала и начат размышлять, конечно, сие не просто. Обаче в бодрость пришла и призвах своего дворянина дала ему 100 червонных и приказала, каким бы нибуть способом проведать, что за причина. И дворецккой взял червонныя и побежал и, достигши на дороге одного салдата, спросил: „Ваша милость, откуда и зачем сюда приежжали“. На что салдат отвечал: „Поди, братец, прочь от меня, какое тебе дело спрашивать“. И дворецккой тому салдату подарил 10 червонных. Вторично спросил. Тогда уже салдат объявил: „Мы-де из Франции приехали со оным камор-[л. 15]юнкером, который у нас под караулом, а в какой причине, подлинно не знаю, разве знает ундер-афицер. А оной камор-юнкер здешней гишпанец“. Притом дворецккой просил салдата, чтобы пожаловать хотя с судна своего господина ундер-афицера на пристанище ко мне, как оной гишпанец в каюту войдет. На что оной салдат учинить сие обещал.

И как на судно вошли, тогда Карл прямо в каюту пошел кушать, а салдат, ундер-афицера вызвавши, говорил: „Ваше благородие, некоторый человек на пристанище желает видеть“. И ундер-афицер пошел на пристань с салдатом. И дворецккой, увидевши, поклонился, говорил: „Возымел дерзновение, ваше благородие, попросить, чтобы вы [л. 15 об.] объявили вину приезда вашего сюда, за что и сам вам могу служить чем угодно“. И ундер-афицер об чем то задумался. То того ж момента дворецккой 50 червонных положивши в руку, говорит: „Пожалуй, мой государь, объяви мне, никакой бо дальней причины нет, но токмо, чтобы знал, а, истинно, никому не объявлю“. На что оный ундер-афицер начал сказывать, что оной гишпанец у нас под караулом, которой, бывши у нашего короля камор-юнкером, хвастал сестрою своею, у которой ныне были. И король хотел ей взять за себя, однако ж фельд-маршал королю объявил, что оная сестра его б. . . и фельдмаршал, будучи зде за резиденцию, жил с ней года 3, и за каждую ночь платил ей по 50 [л. 16] червонных. И за оное обманство королевское величество сего гишпанца осудил на смерть, и по приезде в Париж больше пяти дней оной гишпанец жив не будет. И, оное рассказавши, ундер-афицер обратно пошел на судно свое, а дворецккой в дом госпожи своей.

И, пришедши, оное все подробно госпоже своей сказал, чему София немало обрадовалась, что оную причину узнала, и того ж момента того же дворецкаго послала нанять вскоре корабль небольшой для езды во Францию, а сама стала убираться только с тремя девицами да з двумя лакеями. И с собою приказала взять богатое платье и все вещи бралиантовые и алмазные, да пять [л. 16 об.] тысяч червонных на расход, а дом и прочее приказала тому же дворянину, которой и прежде управлял³ у ей. И она приказала к той же пристане при-

¹ В рукописи *нобольше*.

² В рукописи *четытыры*.

³ В рукописи *управляел*.